

СИМВОЛИЗАЦИЯ ЧЕЛОВЕКА В ФИГУРАХ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДЕЙСТВИЯ: КОММУНИСТ – РЕВОЛЮЦИОНЕР – БОРЕЦ

Ирина Викторовна Журбина,

Удмуртский государственный университет,
Ижевск, Россия,
soloveyIV1@mail.ru

Получена 29.03.2023.

Поступила после рецензирования 06.06.2023.

Принята к публикации 08.08.2023.

Для цитирования: Журбина И.В. Символизация человека в фигурах политического действия: Коммунист – Революционер – Борец // Дискурс-Пи. 2023. Т. 20. № 3. С. 44–60. https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_3_44

Аннотация

Доминирование неолиберализма порождает ситуацию онтологического кризиса, что проявляется в отсутствии активной фигуры, способной продемонстрировать образец человеческого действия, отличный от поведения *homo oeconomicus*. Выход за пределы чисто экономической трактовки открывает новый символический образ Человека, который в современной философии представлен такими фигурами, как Фронтвик, Рабочий (Э. Юнгер, А. де Бенуа), Воин, Солдат (А. Бадью), Патриот, Борец (М. Хардт, А. Негри). Особое место среди них занимает Борец, который является политической фигурой, демонстрирующей новое понимание борьбы. Цель статьи – представить Борца в качестве фигуры, символизирующей сопротивление и/или борьбу людей с глобальным капиталом и его последствиями. Отмечается, что историческими предшественниками Борца являются фигуры Коммуниста (К. Маркс, Ф. Энгельс) и профессионального Революционера (В.И. Ленин). Коммунист – Революционер – Борец рассматриваются в качестве фигур, символизирующих поворот в политической борьбе. При этом у Маркса и Энгельса Коммунист оказывается

© Журбина И.В., 2023

фигурой, посредством которой они утверждают необходимость поворота к идее коммунизма, в то время как профессиональный Революционер у Ленина символизирует поворот к организованной и сознательной классовой борьбе. Особенность Борца заключается в том, что он обозначает переход от политической борьбы против капитала и капиталистической эксплуатации (в марксистско-ленинском понимании) к борьбе за жизнь. Автором статьи рассматриваются два способа современной борьбы: сопротивление разрушительной силе глобализации и борьба индивидов за право на жизнь.

Ключевые слова:

глобализация, неолиберализм, «последний человек», homo oeconomicus, Коммунист, Революционер, Борец.

UDC 323.2

DOI 10.17506/18179568_2023_20_3_44

SYMBOLIZATION OF A PERSON IN POLITICAL ACTION FIGURES: COMMUNIST – REVOLUTIONARY – MILITANT

Irina V. Zhurbina,

Udmurt State University,
Izhevsk, Russia,
soloveyIV1@mail.ru

Received 29.03.2023.

Revised 06.06.2023.

Accepted 08.08.2023.

For citation: Zhurbina, I.V. (2023). Symbolization of a Person in Political Action Figures: Communist – Revolutionary – Militant. *Discourse-P*, 20(3), 44–60. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_3_44

Abstract

The dominance of neoliberalism provokes an ontological crisis, which manifests itself in the absence of an active figure capable of demonstrating a human behavior pattern different from the one of homo oeconomicus. Going beyond the purely economic approach opens up a new symbolic image of Man, which is represented in modern philosophy by such figures as the Frontline Soldier, the Worker (Ernst Jünger, Alen de Benoist), the Warrior, and the Soldier (Alain Badiou), the Patriot and the Militant (Michael Hardt, Antonio Negri). The Militant takes a special place among them being a political figure presenting a new understanding of the political struggle. The objective of this study is to present

the Militant as a figure symbolizing resistance and/or struggle against global capital and its consequences. The article shows that the historical predecessors of the Militant are the figures of the Communist (Karl Marx, Friedrich Engels) and the professional Revolutionary (Vladimir Lenin). Communist – Revolutionary – Militant are seen as figures symbolizing the turn in the political struggle. The Communist in Marx and Engels' doctrine is a figure through which they assert the need for a turn to the idea of communism, whereas in Lenin's works the professional Revolutionary symbolizes a turn to the organized and conscious class struggle. The peculiarity of the Militant as a figure is that it indicates the transition from the political struggle against capital and capitalist exploitation (in the understanding of Marxism-Leninism) to the struggle for life. Two ways of representing the modern struggle are considered: resistance to the destructive force of globalization and the struggle of individuals for the right to life.

Keywords:

globalization, neoliberalism, "the last man", homo oeconomicus, Communist, Revolutionary, Militant.

Введение

Современный процесс экономической глобализации и неолиберальной «экономизации» мира изменяет представление о человеке. *Homo politicus* не просто полностью вытесняется концептом *homo oeconomicus*, который рассматривается экономической наукой в качестве главного действующего лица, задающего модель поведения человека в обществе (Капелюшников, 2020, с. 9), но неолиберализмом вырабатывается собственное видение экономической составляющей сущности человека. Либеральная модель *homo oeconomicus* в эпоху неолиберализма наделяется новым значением. Здесь сущность человека начинает определяться понятием «человеческий капитал». В классическом либерализме, согласно М. Фуко, *homo oeconomicus* рассматривался как один из двух партнеров в процессе обмена. В неолиберализме он получает иную трактовку, представляется антрепренером, «который сам себе капитал, сам себе производитель, сам себе источник дохода» (Фуко, 2010, с. 285).

Структура человеческого капитала уподобляется структуре финансового и инвестиционного капитала, распространяющегося на образование, повышение квалификации, досуг, воспроизводство, потребление и т. д. (Браун, 2018, с. 118). Неолиберализм создает условия для капитализации всего «человеческого», что есть в человеке. Происходит эпистемологический сдвиг в понимании его сущности. Человек начинает мыслиться исключительно как рыночный актер, а его жизнь представляет собой бизнес-проект, ориентированный на постоянное наращивание человеческого капитала. Объем человеческого капитала определяет степень экономической эффективности жизни человека. Модель *homo oeconomicus* задает утилитарное отношение к жизни, в соответствии с которым человек должен руководствоваться личной выгодой. «*Homo oeconomicus* соответствует утилитарная мораль, определяемая выгодой

и удовольствием индивида (в роли производителя – продавца – покупателя) от конкретных экономических обменов, когда в рамках социального атомизма все люди *a priori* квалифицируются как однородные по своей мотивации, целям, опыту» (Мартьянов, 2017, с. 107). Задавая представление о человеке в понятиях экономизации, капитала, монетизации, накопления и т. д., неолиберализм доводит до предела идею человеческого, т. е. все то, что человека делает Человеком с большой буквы. В этом смысле неолиберализм переворачивает «классические ценности гуманизма с ног на голову» (Браун, 2018, с. 107).

Неолиберальная трактовка *homo oeconomicus* возвращает нигилистический образ «последнего человека» Ф. Ницше как «самого презренного человека, который уже не может презирать самого себя» (Ницше, 1996, с. 11). Такие люди ни о чем не думают и ни к чему не стремятся, довольствуясь малым: уютом и удобством, «ибо им необходимо тепло», безопасностью, «ибо ходят они осмотрительно», и развлечением, которое бы «не утомляло их» (с. 11–12). Если Ф. Фукуяма говорит о том, что в силу своей неспособности «ощутить стыд за неумение подняться над своими желаниями» «последний человек перестает быть человеком» (Фукуяма, 2015, с. 13), то А. Бадью считает, что последний человек, демонстрирующий формулу спокойной жизни «комфорт + немножко удовольствия + оставьте меня в покое» (Бадью, 2008, с. 172), переходит в сферу нечеловеческого, где присутствует только застывшая природа человека-животного. «Капитализм – это оскотинивание животного «человек», которое живет теперь лишь по своим интересам, в соответствии с тем, что считает достойным себя. Крайне опасное оскотинивание, ведь оно лишено и веры, и закона» (Бадью, 2013b, с. 49). С одной стороны, такого рода возвращение свидетельствует о ситуации кризиса, который выражается в первую очередь в отсутствии активной фигуры, способной продемонстрировать образец человеческого действия, отличный от поведения *homo oeconomicus*. С другой стороны, ситуация кризиса имеет и позитивное значение, поскольку указывает на предельное состояние, в котором происходит возвращение к нигилистическому образу «последнего человека», но здесь возвращение аналогично акту философской рефлексии.

Философская рефлексия дает возможность по-новому взглянуть на проблему человека, т. е. выйти за пределы чисто экономической трактовки, ограничивающей представление рамками прагматизма и утилитаризма, с присущей им инстинктивной страстью к накоплению богатства, денег и других материальных благ. В этом случае выход за пределы экономической трактовки человека в терминах человеческого капитала, монетизации, накопления позволяет совершить «поворот» от реального мира капитала, в котором доминирует модель *homo oeconomicus*, к миру идей. Из всех сфер знания такой «поворот» может совершить только философия, которая по праву считается областью знания, относящейся к сфере бытия идей. С одной стороны, философия демонстрирует бесконечную способность человеческого мышления преодолевать границы действительности такой, «какая она есть на самом деле», и выходить в сферу идеального. С другой – философия сочетает в себе фигуральность мысли с поэтической образностью языка, создающего словесные фигуры, имеющие переносное значение. В силу своей специфики философия способна сконструировать

ровать символический образ Человека, возвышающий его над самим собой как трудящимся животным, занятым исключительно увеличением капитала.

В связи с этим особую эвристическую значимость приобретают философские концепции, возвышающие человека до фигуры Человека. Таким представлениям соответствуют Фронтвик и Рабочий Э. Юнгера (2000) и их современная интерпретация А. де Бенуа (2021), Воин и Солдат А. Бадью (2013а), Патриот и Борец М. Хардта и А. Негри (2004, 2006) и др. В этих концепциях человек представляется фигурой не только символической, олицетворяющей собой дух труда (Рабочий), политической борьбы (Патриот, Борец), но и героической (Воин, Солдат, Фронтвик).

Ситуация кризиса, спровоцированная неолиберальным концептом *homo oeconomicus*, приобретает иное значение. Древнегреческое слово *κρίσις* может использоваться не в значении судебного разбирательства, следствия и осуждения, а в значении толкования¹. В этом случае философская рефлексия вовлекает концепт человека в поле интерпретации таким образом, что фигуральность философской мысли и поэтическая образность языка философии создают новый символический образ Человека как фигуры действия.

Цель работы – представить Борца в качестве фигуры, символизирующей сопротивление и/или борьбу людей с глобальным капиталом и его последствиями. Обращение к данной символической фигуре объясняется тем, что в деполитизированном мире глобальной экономики она в полной мере олицетворяет борьбу, имеющую политический смысл.

Исторические предшественники Борца: фигуры Коммуниста и профессионального Революционера

Борьба *против* капитала и эксплуатации традиционно связывалась с такими политическими фигурами, как *Коммунист* и *Революционер*. В работе М. Хардта и А. Негри они оказываются фигурами, от которых «отталкиваются» исследователи, образуя круг интерпретации фигуры Борца, поскольку именно Коммунист и Революционер в XIX–XX вв. олицетворяли собой коллективную борьбу рабочего класса. «На протяжении всего этого долгого периода деятельность борца состояла, прежде всего, из практик сопротивления капиталистической эксплуатации на производстве и в обществе. <...> Бросая вызов цинизму буржуазии, денежному отчуждению, экспроприации жизни, эксплуатации труда, колонизации чувств и тому, что им сопутствует, борец шел на бой. В мятеже проявлял он свою гордость. Вновь и вновь предстал он в облике мученика в трагической истории коммунистической борьбы» (Хардт, Негри, 2004, с. 379).

Одной из первых фигур, предшествующих Борцу, является Коммунист К. Маркса и Ф. Энгельса, представленный в Манифесте Коммунистической партии 1848 г. В современной социальной философии «академическая мода» на интерпретацию Маркса появилась тогда, когда марксизм уже потерпел историческое поражение (Бадью, 2005, с. 39). Постмарксистская традиция представляет множество не связанных друг с другом «Марксов», каждый

¹ Вейсман, А. Д. (1991). *Греческо-русский словарь* (с. 732). М.: ГЛК.

из которых лишен политического смысла. Это «Маркс культурологии, Маркс постмодернистских софистов, Маркс мессианских пророчеств, санированный Маркс – «классик» социальной теории, наконец, Маркс, о котором говорят даже на Уолл-стрит как о предсказателе современной глобализации» (Горных, 2017, с. 220). Однако в эпоху глобализации, когда экономическое поглощает политическое, Коммунист вновь обретает свою актуальность в качестве символической фигуры, открывающей нам возможность понять смысл современной фигуры Борца. Фигура Коммуниста не столько символизирует прошлое, сколько позволяет по-новому взглянуть на современную практику сопротивления капиталу и эксплуатации. Если в работе М. Хардта и А. Негри Коммунист присутствует в общем контексте, то в данном случае мы рассматриваем Коммуниста, Революционера и Борца в качестве фигур, каждая из которых становится символом «поворота» в политической борьбе.

У Маркса и Энгельса Коммунист является «поворотной» фигурой, посредством которой они заявляют о необходимости перехода от идей реакционного, консервативного и утопического социализма, уже не актуальных в силу своей оторванности от освободительного движения рабочего класса, к идее коммунизма, еще не полностью определившейся. Призрачность самой идеи коммунизма превращает Коммуниста в фигуру, обращенную к будущему, в сторону коммунистической идеи. «Призрак бродит по Европе – призрак коммунизма» (Маркс, Энгельс, 1955, с. 423). В этом смысле Манифест можно рассматривать как декларативное заявление о появлении новой фигуры, в которой призрачная идея коммунизма как бы обретает реальность. «Пора уже коммунистам перед всем миром открыто изложить свои взгляды, свои цели, свои стремления и сказкам о призраке коммунизма противопоставить манифест самой партии» (с. 423). Коммунист представляется фигурой коллективной, которая в Манифесте употребляется преимущественно во множественном числе, т. е. Маркс и Энгельс пишут о коммунистах. Это существительное имеет собирательное значение. Употребление имени существительного с собирательным значением позволяет множественным числом называть целое, тем самым создавая единый образ передовой части рабочих, находящихся в авангарде борьбы с буржуазией. Использование множественного числа подчеркивает в первую очередь количественный аспект, выражающий силу и мощь самой фигуры Коммуниста.

Смысл этой фигуры раскрывается Марксом и Энгельсом через системы отношений «буржуа – пролетарии» и «пролетарии – коммунисты». В первой системе Коммунист оказывается фигурой массового подъема пролетариата, смысл которого выражается призывом: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» (Маркс, Энгельс, 1955, с. 459). Обращаясь к этимологии слова «пролетарий» и его использованию в марксистской философии, Ж. Рансьер отмечает, что в латинском языке *proles* изначально означает «потомство», а *proletarii* – «те, кто воспроизводит себя; те, кто просто живут и воспроизводят себя, не обладая именем и не передавая его» (Рансьер, 2006, с. 104). Латинское *proletarii* является именем единственного-множественного числа, обозначающим безымянное множество всех, кто несет в себе потенциальную способность уничтожения классового строя. Для демонстрации этой потенциальной способности требу-

ется фигура Коммуниста, выступающая символом актуализации силы пролетариата, его способности разрушить господство капитала и власть буржуазии.

Задаваясь вопросом, в каком отношении стоят коммунисты к пролетариям вообще, Маркс и Энгельс связывают с фигурой Коммуниста организацию революции, которая начинается с превращения пролетариата в господствующий класс, а заканчивается насильственным ниспровержением существующего общественного строя и завоеванием пролетариатом политической власти (Маркс, Энгельс, 1955, с. 437–438). Сам Манифест Коммунистической партии и есть, в прямом смысле слова, призыв к пролетарской революции под руководством коммунистов как носителей коммунистической идеи Маркса и Энгельса.

Это значит, что смысл отношений «пролетарии – коммунисты» можно понять через другую систему, а именно как систему отношений «коммунисты – Маркс и Энгельс». В этом случае Коммунист представляется идейным марксистом. Знание коммунистами теории научного коммунизма Маркса и Энгельса, истории борьбы классов, а также понимание революционной роли пролетариата позволяют коммунистам выступать в роли идейных борцов. Распространяя идеи Маркса и Энгельса в среде пролетариата как единственно революционного класса, Коммунист открыто заявляет о необходимости коммунистической революции. В Манифесте Коммунистической партии он говорит голосами Маркса и Энгельса: «Нас, коммунистов, упрекали в том, что мы хотим...»; «Мы вовсе не намерены...» (Маркс, Энгельс, 1955, с. 438–439); «Но не спорьте с нами...»; «Мы сознаемся в этом...» (с. 443) и т. д. Представляя собой сторонника и/или носителя идеи коммунизма, Коммунист становится понятием, тождественным понятию «марксист». Это значит, что быть Коммунистом означает быть марксистом, а быть марксистом означает являться революционером. Три понятия отождествляются между собой: Коммунист = марксист = революционер. В данном случае идейность оказывается основой революционной активности Коммуниста, а Коммунист – образцом идейности. Он является фигурой, показывающей не просто действенность идей в политике, но в первую очередь силу действия идеи коммунизма. Таким образом, у Маркса и Энгельса выделяются три ипостаси одной фигуры Коммуниста, который является одновременно революционером, марксистом и идейным борцом, т. е. символом самой идеи коммунизма.

В своей работе 1902 г. «Что делать?» Ленин создает политическую фигуру профессионального *Революционера*, символизирующего идею борьбы рабочего класса с капиталом начала XX в. В современной социальной философии возвращение к работам Ленина объясняется попыткой, во-первых, «сопоставить ряд вопросов, рождающихся из ленинской мысли, с проблематикой, с которой мы сегодня сталкиваемся в классовой борьбе» (Негри, 2017, с. 9; Negri, 2014), во-вторых, заново ответить на вопрос «что делать?» (Нанси, 2017). Профессиональный Революционер у Ленина также является «поворотной» фигурой, посредством которой он показывает необходимость перехода от стихийной экономической борьбы, кустарничества экономистов к организованной и сознательной классовой борьбе под руководством организации профессиональных революционеров, чья деятельность направлена на свершение политической революции.

Фигуру профессионального Революционера Ленин соотносит с будущим социал-демократии в России. «Из области истории мы переходим здесь в область

настоящего, отчасти будущего» (Ленин, 1963, с. 182). В момент написания работы Лениным фигура профессионального Революционера является всего лишь предметом его мечтаний: «Вот о чем надо мечтать!» (с. 171). Ссылаясь на работу Д.И. Писарева «Промахи незрелой мысли», Ленин обосновывает свой призыв «Надо мечтать!» тем, что мечта, обращенная в будущее, обгоняет естественный ход событий, позволяет человеку, забегая вперед, созерцать созданный им образ. Существование «разрыва» между мечтой и действительностью открывает возможность мечтающей личности работать над осуществлением своих фантазий, приближая момент соприкосновения мечты и жизни (с. 171).

Мечты Ленина о профессиональном Революционере обусловлены конкретной исторической ситуацией, а именно отставанием руководителей революционного движения («идеологов», революционеров, социал-демократов) от стихийного подъема народных масс. В связи с этим Ленин пишет: «...стихийность массы требует от нас, социал-демократов, массы сознательности» (Ленин, 1963, с. 52). Сущностная характеристика профессионального Революционера – политическое сознание, которое Ленин рассматривает как сознание антагонизма существующему политическому порядку (Лазарюс, 2017). Уровень воспитанности политического сознания определяет иерархию руководителей революционного движения. Революционер не является у Ленина целостной фигурой. Выделяются его разные ипостаси – теоретик/идеолог, организатор, агитатор, пропагандист, агент влияния на цеховые союзы, развозчик и т. д., опираясь на которые Ленин говорит о специализации и профессиональной дифференциации деятельности революционеров (с. 82). Чем более воспитано у Революционера политическое сознание, тем яснее он осознает необходимость свершения пролетарской революции и тем более высокое положение занимает в иерархии ее руководителей.

На верхнем уровне находятся вожди революции, которые являются теоретиками-идеологами и организаторами, направляющими массовое движение и управляющими революционной борьбой. Ленин под вождями революции понимал узкий круг профессионально подготовленных революционеров, имеющих практический опыт политической борьбы и руководящихся теорией марксизма. В этот круг входят в основном интеллигенты, пробуждающие во всех сколько-нибудь сознательных слоях народа страсть политических обличений. Ниже находится более широкий, но, как отмечает Ленин, ограниченный круг агитаторов из рабочих, выдающихся своими способностями, а также студентов, учащейся молодежи и т. д. Ответственность за воспитание политического сознания революционеров-агитаторов Ленин возлагает на интеллигенцию, которая должна распространять теорию марксизма среди широких масс населения, используя не только «легальную», но и «нелегальную» марксистскую литературу, выполняющую функцию теоретической основы революционной деятельности: «...марксизм дает... гигантский толчок инициативе и энергии социал-демократа, открывая ему самые широкие перспективы, отдавая (если можно так выразиться) в его распоряжение могучие силы миллионов и миллионов «стихийно» поднимающегося на борьбу рабочего класса!» (Ленин, 1963, с. 48). Агитатор занимается обличением политического угнетения, полицейского гнета и самодержавного бесчинства. С одной стороны, он должен пробуждать в народных массах мысль о негодности всего политического строя, с другой – должен уметь

вызывать у народа отклик на все конкретные случаи произвола, насилия и злоупотребления (с. 58). Ленин указывает на необходимость агитации по поводу каждого конкретного проявления угнетения, показывая на конкретных примерах, как угнетение проявляется в самых различных областях жизни – общественной, политической, профессиональной, семейной и т.д. Выполняя роль агитатора, профессиональный Революционер воспитывает политическое сознание масс, повышает их революционную активность, побуждая к участию в собраниях, стачках, манифестациях, демонстрациях и т.д.

Иерархическая система Ленина предполагает, что рабочие будут подниматься до уровня интеллигентов, образуя с ними замкнутый круг тех, кого он и называет профессиональными Революционерами. В этом кругу стираются не только какие-либо различия между рабочими и интеллигенцией, но и отсутствуют профессиональные различия. Профессиональный Революционер посвящает свою жизнь делу служения революции, т.е. он сознательно отказывается от профессии и семьи, переходит на нелегальное положение и живет на средства партии (Ленин, 1963, с. 132). В этом смысле Ленин возвышает его над прозой жизни с ее повседневным ритмом (работа) и заботами (семья). Само представление о профессиональном Революционере он относит к «десятк» испытанных и профессионально вышколенных деятелей революции (с. 126).

В работе «Что делать?» Ленин формулирует для замкнутого на самом себе круга профессиональных Революционеров особую форму жизни – *forma vitae*, которая состоит из суммы его дисциплинированных действий (Ермаков, 2017, с. 58). Профессией Революционера становится *борьба* в широком смысле слова. Это борьба против капитала, самодержавия и политической полиции, а также борьба за саму возможность массовой политики. «Профессиональный революционер является столь же нападающим, сколь и защитником: его задача не только привнести сознание антагонизма, но и защитить от полиции возможную массовую политику – например, как указывает Ленин, обеспечивая конспиративность подготовки рабочих выступлений или последующее распространение информации о них в условиях государственного контроля над прессой» (с. 63). Таким образом, у Ленина профессиональный Революционер является фигурой периода подъема народных масс и организации революции. Если у фигуры Коммуниста идейность является основой политической активности, то Ленин формулирует образец дисциплинированного политического действия.

В настоящее время возвращение исследователей к идее коммунизма является своего рода реакцией на идеологию неолиберализма с ее ориентацией на глобальную экономику, провоцирующую появление в мире радикального неравенства. Актуальным становится вопрос: «Существует ли... такая возможность организации человеческой коллективности, которая бы радикально отличалась от существующей ныне?» (Бадью, 2013b, с. 50). В то же время проводится различие между существительным «коммунизм» и прилагательным «коммунистический», отсылающим к таким понятиям, как «коммунистическая партия» и «коммунистическое государство», непосредственно связанным с массовыми арестами, партийными чистками и т.д. Современная идея коммунизма перестает рассматриваться в качестве программы действия, она определяется как гипотеза или интеллектуальная схема, позволяющая рассуждать о возможности

установления равенства без ограничений (Badiou, 2010, p. 259). В связи с этим изменяется представление и о Коммунисте, который является перформативной фигурой, сформированной позициями множества индивидов, сделавших свой выбор в пользу идеи коммунизма. Основной становится проблема определения социальных основ современной фигуры Коммуниста, т. е. установления всех тех, кто способен утвердительно ответить на вопрос: «Вы коммунист?» В этом смысле будущее идеи коммунизма туманно и неопределенно, поскольку ее сторонниками являются в основном «пришлые пролетарии», т. е. рабочие иностранного происхождения, которые вновь задаются поставленным в начале XX в. ленинским вопросом «что делать?»

Фигура Борца: революционный «поворот» к борьбе за идею жизни

В эпоху глобальной экономики «поворотной» фигурой становится Борец. В данном случае это собирательный образ, символизирующий политическую жизнь множества (*multitude*) как нового субъекта, который пришел на смену марксовскому пролетариату. У М. Хардта и А. Негри «множество» оказывается всеохватывающим понятием с открытыми границами, обозначающим неопределенную численность многоликого общества (Хардт, Негри, 2006, с. 4). Борьба неопределенного множества и представляется фигурой Борца. «В эпоху постсовременности, когда исчезает образ народа, только борец выражает жизнь масс с наибольшей полнотой» (Хардт, Негри, 2004, с. 378).

Символизм Борца заключается в том, что это понятие обозначает того, кто борется за что-то, например, за свободу, равенство, братство как идеалы Великой Французской революции, за коммунизм, социализм и т. д. Но также им обозначается борьба против чего-то – против угнетения, эксплуатации, насилия, рабства, социальной несправедливости и т. д., что символизировали фигуры Коммуниста и профессионального Революционера. Особенность Борца заключается в том, что он обозначает переход от политической борьбы против капитала, капиталистов и капиталистической эксплуатации, в марксистском и марксистско-ленинском их понимании, к борьбе за жизнь, которая в современных условиях приобретает политический смысл. Борец изменяет смысл понятия «борьба», которая начинает рассматриваться как позитивная созидательная деятельность (Хардт, Негри, 2004, с. 379).

Борьба за жизнь – это единственное, что остается множеству людей, поскольку глобальный характер капитала, его тотальная власть показывают бессмысленность и бесперспективность любой политической борьбы с ним. Смысл революционного поворота, совершаемого Борцом, заключается в возвращении человека к идее жизни как таковой, со всеми ее благами и радостями, к жизни, существующей в своей простоте и невинности. Поэтому борьба за жизнь разворачивается в двух направлениях: с одной стороны, Борец демонстрирует сопротивление жизни разрушительной силе глобализации, которое выражается в борьбе множества людей с ее экономическими последствиями, с другой – Борец олицетворяет собой борьбу множества индивидов за право на жизнь.

Первый вариант – сопротивление разрушительной силе глобализации – раскрывается Н. Кляйн, которая не использует напрямую понятие «Борец»,

но в ее концепции мы можем обнаружить контуры этой фигуры (Кляйн, 2009). Здесь Борец является символом сопротивления множества людей, переживших шоковую терапию экономической глобализации, а именно приватизацию, отмену государственного контроля, резкое снижение затрат на социальную сферу и др. Особенность экономической глобализации заключается в том, что она оставляет после себя обломки былой инфраструктуры, которые можно обнаружить во множестве разных стран: заброшенные индустриальные пригороды, разоренные предприятия и хозяйства, участки необработанной земли. Концепция свободного рынка М. Фридмана, выраженная общим тезисом «капитализм и свобода – это две части одного неделимого проекта» (Фридман, 2006), не создает гармоничную экономику, а превращает богатых в чрезвычайно богатых людей, а организованный рабочий класс – в бедняков. Поэтому в рамках глобальной экономики процесс пролетаризации приобретает тотальный характер. Пролетаризированной оказывается не только сфера труда, где понятие «пролетариат» включает в себя всех, кто подвергается эксплуатации и трудится под властью капитала, но и сама сфера жизни. Представление о пролетариате больше не ограничивается учением К. Маркса и Ф. Энгельса о промышленном рабочем, образ которого относится к эпохе первоначального накопления капитала, когда происходило отделение непосредственного производителя от средств производства.

Суть современной пролетаризации выражается именем «бедняк», объединяющим массу неимущих людей, которые одновременно включены в процесс производства капитала, но не имеют доступа к богатствам (Хардт, Негри, 2006, с. 189). В современном мире капитал выполняет функцию линии, разделяющей человеческое существование на две части. Она принимает вид бюрократического контроля, колючей проволоки, морских патрулей, права высылки нелегалов и т. д. Линия, прочерченная капиталом, разделяет мир наслаждения богатых и мир желания бедных. В мире капитала бедняк становится предельным именем, обозначающим недифференцированную массу «всех тех, кто и внутри истинного мира, кто извне, за стеной или колючей проволокой; и не суть важно, идет ли речь о крестьянах, прозябающих в тысячелетней нищете, или горожанах, ютящихся в фавелах, пригородах, городках, общежитиях, самовольно занятых домах и бидонвилях» (Бадью, 2008, с. 72).

Сопrotивление появляется тогда, когда у населения проходит оцепенение от шока глобализации и возникает понимание, что помощи ждать больше неоткуда. С этого момента люди начинают задаваться собственно политическими вопросами, предельным из которых становится вопрос: «Как жить дальше?» Это инициирует цепочку других вопросов и рассуждений: «Что мы можем сделать сами?»; «Что можно сделать прямо сейчас, чтобы восстановить наше местное общество, несмотря на деятельность правительства?» (Кляйн, 2009, с. 612). Вопрос обращает людей к самим себе как активным борцам за свою жизнь. Борьба с последствиями глобализации представляется как организованный процесс, возникающий по инициативе людей. В этом случае фигура Борца показывает активность сопротивления разрушительной силе глобального капитала на локальном уровне жизни сообщества. Борьба за жизнь разворачивается в первую очередь в сфере хозяйственной деятельности. Такая деятельность организуется людьми по принципу самоуправления, когда процессом восстанов-

ления руководят те же люди, которые пострадали от катастрофы. «Участники такой реконструкции говорят, что они не просто восстанавливают дома, но исцеляют сами себя» (с. 613). Борьба за жизнь означает разобрать обломки глобализации и снова заставить работать заброшенные предприятия, хозяйства, земельные участки и т. д. Борец становится символом самоорганизующейся активности местных сообществ Бразилии, Венесуэлы, Аргентины, Таиланда, Нового Орлеана (США) и т. д. «В Бразилии активисты и разорившиеся фермеры объединились в «Движение безземельных людей», которое создало сотни кооперативов для освоения неиспользованных земель. В Аргентине это движение «восстановленных компаний» – двух сотен обанкротившихся предприятий, которые превратились в кооперативы с демократическим управлением» (с. 598).

Хозяйственная деятельность местных сообществ (кооперации фермеров, кооперативы рабочих, объединенные поселения) приобретает политический смысл. Политическое мышление занятых хозяйственной деятельностью людей можно выразить аристотелевским понятием «рассудительность» (φρόνησις). У Аристотеля рассудительность аналогична здравомыслию или житейской мудрости, которая проявляет себя в привычке рассуждать о мере собственности, необходимой для благополучной жизни сообщества. «Рассудительность же связана с человеческими делами и с тем, о чем можно принимать решение; мы утверждаем, что дело рассудительного – это прежде всего разумно принимать решения» (Аристотель, 2011, с. 166). Рассудительность или практический ум формирует представление о мере, которая должна проявляться в сфере хозяйствования, ограниченной вопросами приобретения, пользования и управления имуществом. В данном варианте Борец является символом восстановления и противодействия разрушительной силе экономической глобализации, олицетворением мечты о жизни без лишений и невзгод. Борец показывает, что разрушительная сила вызывает равное по силе противодействие людей, борющихся за жизнь. Однако здесь понятия «жизнь» и «борьба» меняются местами и «переворачиваются». Тезис «жизнь – это борьба» оборачивается своей противоположностью, а именно представлением, что «борьба – это и есть жизнь». В эпоху диктата глобальной экономики не бороться, т. е. не оказывать сопротивление, означает не жить.

Второй вариант – борьба множества индивидов за право на жизнь – раскрывают в своей концепции М. Хардт и А. Негри, у которых Борец становится символом всех, кого глобализация лишает прав. Эту борьбу они представляют на основе легенды о святом Франциске Ассизском, победившем нищету масс, приняв ее как данность – со смиренным согласием (Хардт, Негри, 2004, с. 380). Такая борьба сводится, во-первых, к борьбе за глобальное гражданство рабочих, участвующих в создании капитала. Например, лозунг «Документы для всех!» становится требованием предоставления в полном объеме гражданских прав трудящимся-иммигрантам (с. 368). Во-вторых, разворачивается как борьба за право на репроприацию – право обретения заново средств производства. В данном случае репроприация означает получение свободного доступа к знанию, информации и коммуникации, используемым в процессе производства, и возможности самим их контролировать. К такой борьбе относится, например, «Движение за свободные программы». В-третьих, борьба за жизнь выражается

в борьбе за социальную заработную плату и гарантированный доход (с. 366–374). Одной из ее форм становится борьба за «пособие на существование», которая показывает, что человеческая жизнь возможна и за пределами капитала.

Требование «пособие на существование» выдвигают различные общественные силы – от представителей профсоюзов, женских и благотворительных организаций до союзов безработных и мигрантов. Здесь понятие «пособие» приобретает широкое значение и утрачивает смысл денег, которые выделяются безработным на потребительские расходы. Борьба за «пособие на существование» демонстрирует, что пособие, абсолютно бесполезное для рыночной реализации капитала, имеет значение для деятельности вне рынка, вне конкуренции и нормированной работы. Такое пособие поддерживает жизнь как таковую: «Мы имеем право на социальное существование, не исчерпывающееся этой трудовой деятельностью и не совпадающее с ней» (Горц, 2010, с. 101). В этом варианте фигура Борца обращает человека к жизни, представленной во всем многообразии форм деятельности, лежащих за пределами труда, капитала и рынка. Борец призывает людей смириться с диктатом глобальной экономики и научиться получать от нее радость, тем самым как бы призывая: «Люби жизнь такой, какая она есть», что означает «Живи! Радуйся жизни!»/«Просто живи!»

Заключение

В современной социальной философии Борца можно рассматривать в качестве символической фигуры эпохи глобального капитала и тотальной пролетаризации жизни, которая пришла на смену таким фигурам XIX–XX вв., как Коммунист и Революционер. Обращение к фигурам Коммуниста и профессионального Революционера позволяет понять смысл революционного «поворота», совершаемого Борцом. Если в Манифесте Коммунистической партии Маркса и Энгельса Коммунист представляется фигурой, обозначающей переход к идее коммунизма, то у Ленина профессиональный Революционер олицетворяет собой «поворот» к организованной и сознательной классовой борьбе. Эти фигуры символизируют идейность (Коммунист) и дисциплинированность (Революционер) политического действия. Коммунист и профессиональный Революционер возвышаются над прозой жизни с ее повседневным ритмом (работа) и заботами (семья). Они показывают, что революционная активность непосредственно зависит от уровня политического (со)знания, который определяется степенью знания марксистской теории. С одной стороны, чем глубже социальный кризис, тем сильнее возникает потребность в возвращении к идеям Маркса и Энгельса и к образу Коммуниста, символизирующему борьбу с экономической эксплуатацией и социальным неравенством. С другой стороны, историческое поражение марксизма – исчезновение социалистических государств, политических движений, имеющих референтом рабочих класс, а также самого революционно настроенного рабочего класса – позволяет исследователям говорить о «смерти марксизма» как политической теории. При этом идея коммунизма не исчезла, в современном мире она существует как гипотеза, позволяющая рассуждать о социальном равенстве как некой возможности.

Борец, совершающий революционный «поворот» в сторону жизни, демонстрирует полную победу капитализма и капитала, показывая невозможность возвращения к традиционным формам революционного действия, а также бессмысленность и бесполезность какой-либо политической борьбы. В фигуре Борца коммунистическая идея освобождения человека от власти капитала в ее марксистской трактовке оборачивается своей противоположностью – идеей признания нищеты масс в условиях полной и окончательной победы капитала в глобальном масштабе. Борец показывает, что высшим идеалом жизни может быть только сама жизнь, а гарантом такого подхода становится рассудительность множества людей, чье здравомыслие помогает им понять, что единственным политическим действием является восстановление жизни такой, «какая она есть на самом деле», и борьба за право организовывать жизнь по своему разумению. Так Борец превращает сопротивление или бунт против глобального капитала «в проект любви» к жизни, смысл которой определяется по ту сторону рынка, конкуренции и денег.

Список литературы

1. Аристотель. (2011). Никомахова этика. В Аристотель, *Этика* (с. 39–280). М.: АСТ: Астрель.
2. Бадью, А. (2005). *Мета/Политика: Можно ли мыслить политику? Краткий трактат по метаполитике*. М.: Логос.
3. Бадью, А. (2008). *Обстоятельства, 4: Что именуется Саркози?* СПб.: Академия исследования культуры.
4. Бадью, А. (2013a). Фигура Солдата. В А. Бадью, *Загадочное отношение философии и политики* (с. 55–80). М.: Институт общегуманитарных исследований.
5. Бадью, А. (2013b). *Философия и событие. Беседы с кратким введением в философию Алена Бадью*. М.: Институт общегуманитарных исследований.
6. Бенуа, А. (2021). *Фигура рабочего: между богами и титанами*. М.: Тотенбург.
7. Браун, В. (2018). Разрушение демократии: как неолиберализм преобразовывает государство и субъекта. *Неприкосновенный запас*, (4), 99–129.
8. Горных, А. (2017). Империализм сегодня (рецензия на книгу «Lenin Reloaded: Toward a Politics of Truth»). *Синий диван. Философско-теоретический журнал*, (22), 219–227.
9. Горц, А. (2010). *Нематериальное. Знание, стоимость и капитал*. М.: Издательский дом ВШЭ.
10. Ермаков, С. (2017). Биохронополитика: Ленин глазами Агамбена. *Синий диван. Философско-теоретический журнал*, (22), 46–68.
11. Капельюшников, Р. И. (2020). Кто такой Номо oeconomicus? *Экономическая политика*, 15(1), 8–39. <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2020-1-8-39>
12. Кляйн, Н. (2009). *Доктрина шока. Расцвет капитализма катастроф*. М.: Добрая книга.

13. Лазарюс, С. (2017). Ленин и время (фрагменты). *Синий диван. Философско-теоретический журнал*, (22), 24–45.
14. Ленин, В.И. (1963). Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения. В В.И. Ленин, *Полное собрание сочинений: в 55 т.* (Т. 6, с. 1–192). М.: Госполитиздат.
15. Маркс, К., Энгельс, Ф. (1955). Манифест Коммунистической партии. В К. Маркс, Ф. Энгельс, *Полное собрание сочинений: в 39 т.* (Т. 4, с. 419–459). М.: Политиздат.
16. Мартыянов, В.С. (2017). Политические пределы homo economicus. *Общественные науки и современность*, (2), 104–118.
17. Нанси, Ж.-Л. (2017). Что делать? (фрагменты). *Синий диван. Философско-теоретический журнал*, (22), 89–94.
18. Негри, А. (2017). К марксистскому прочтению марксизма Ленина. *Синий диван. Философско-теоретический журнал*, (22), 9–23.
19. Ницше, Ф. (1996). Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого. В Ф. Ницше, *Сочинения: в 2 т.* (Т. 2, с. 5–257). М.: Мысль.
20. Рансьер, Ж. (2006). *На краю политического*. М.: Параксис.
21. Фридман, М. (2006). *Капитализм и свобода*. М.: Новое издательство.
22. Фуко, М. (2010). *Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году*. СПб.: Наука.
23. Фукуяма, Ф. (2015). *Конец истории и последний человек*. М.: АСТ.
24. Хардт, М., Негри, А. (2004). *Империя*. М.: Праксис.
25. Хардт, М., Негри, А. (2006). *Множество: война и демократия в эпоху империи*. М.: Культурная революция.
26. Юнгер, Э. (2000). *Рабочий. Господство и гештальт; Тотальная мобилизация; О боли*. СПб.: Наука.
27. Badiou, A. (2010). *The communist hypothesis*. London, New York: Verso.
28. Negri, A. (2014). *Factory of strategy: Thirty-three lessons on Lenin*. New York: Columbia University Press.

References

1. Aristotle. (2011). *Nikomahova jetika* [Nicomachean ethics]. In Aristotle, *Etika* (pp. 39–280). Moscow: AST: Astrel'.
2. Badiou, A. (2005). *Meta/Politika: Mozhno li myslit' politiku? Kratkij traktat po metapolitike* [Metapolitics: Can politics be thought?]. Moscow: Logos.
3. Badiou, A. (2008). *Obstojatel'stva, 4: Chto imenuet imja Sarkozi?* [The Meaning of Sarkozy]. Saint Petersburg: Akademija issledovaniya kul'tury.
4. Badiou, A. (2010). *The communist hypothesis*. London, New York: Verso.
5. Badiou, A. (2013a). *Figura Soldata* [The figure of a Soldier]. In A. Badiou, *Zagadochnoe otnoshenie filosofii i politiki* (pp. 55–80). Moscow: Institut obshhegumanitarnyh issledovaniy.
6. Badiou, A. (2013b). *Filosofija i sobytie. Besedy s kratkim vvedeniem v filosofiju Alena Bad'ju* [Philosophy and the Event]. Moscow: Institut obshhegumanitarnyh

issledovanij.

7. Benoist, A. (2021). *Figura rabochego: mezhdu bogami i titanami* [The figure of the worker between the gods and the titans]. Moscow: Totenburg.
8. Brown, V. (2018). Razrushenie demokratii: kak neoliberalizm preobrazovyvaet gosudarstvo i sub'ekta [The destruction of democracy: How neoliberalism transforms the state and the actor]. *Neprikosnovennyj zapas*, (4), 99–129.
9. Ermakov, S. (2017). Biohronopolitika: Lenin glazami Agambena [Biochronopolitics: Lenin through the eyes of Agamben]. *Sinij divan. Filosofsko-teoreticheskij zhurnal*, (22), 46–68.
10. Foucault, M. (2010). *Rozhdenie biopolitiki. Kurs lekcij, pročitannyx v Kollezhe de Frans v 1978–1979 uchebnom godu* [The birth of bio-politics: Lecture at the Collège de France, 1978–1979]. Saint Petersburg: Nauka.
11. Friedman, M. (2006). *Kapitalizm i svoboda* [Capitalism and freedom]. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
12. Fukuyama, F. (2015). *Konec istorii i poslednij chelovek* [The end of history and the last man]. Moscow: AST.
13. Gornyx, A. (2017). Imperializm segodnya (recenziya na knigu "Lenin Reloaded: Toward a Politics of Truth") [Imperialism today (book review "Lenin Reloaded: Toward a Politics of Truth")]. *Sinij divan. Filosofsko-teoreticheskij zhurnal*, (22), 219–227.
14. Gorz, A. (2010). *Nematerial'noe. Znanie, stoimost' i kapital* [The immaterial: Knowledge, value and capital]. Moscow: Izdatel'skij dom VShE'.
15. Hardt, M., & Negri, A. (2004). *Imperiya* [Empire]. Moscow: Praksis.
16. Hardt, M., & Negri, A. (2006). *Mnozhestvo: vojna i demokratija v jepohu imperii* [Multitude. War and Democracy in the Age of Empire]. Moscow: Kul'turnaja revoljucija.
17. Jünger, E. (2000). *Rabochij. Gospodstvo geshtal't; Total'naya mobilizaciya; O boli* [The worker. Domination and gestalt; Total mobilization; On pain]. Saint Petersburg: Nauka.
18. Kapeliushnikov, R.I. (2020). Kto takoj Homo oeconomicus? [Who is homo oeconomicus?]. *Ekonomicheskaja politika*, 15(1), 8–39. <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2020-1-8-39>
19. Klein, N. (2009). *Doktrina shoka. Rascvet kapitalizma katastrof* [The shock doctrine: The rise of disaster capitalism]. Moscow: Dobraja kniga.
20. Lazarus, S. (2017). Lenin i vremena (fragmenty) [Lenin and time (fragments)]. *Sinij divan. Filosofsko-teoreticheskij zhurnal*, (22), 24–45.
21. Lenin, V.I. (1963). Chto delat'? Nabolevshie voprosy nashego dvizhenija [What is to be done? Burning questions of our movement]. In V.I. Lenin, *Polnoe sobranie sochinenij: v 55 t.* (Vol. 6, pp. 1–192). Moscow: Gospolitizdat.
22. Martjanov, V.S. (2017). Politicheskie predely homo economicus [The political limits of "homo economicus"]. *Obshhestvennye nauki i sovremennost'*, (2), 104–118.
23. Marx, K., & Engels, F. (1955). Manifest Kommunisticheskoy partii [Manifesto of the Communist Party]. In K. Marx, & F. Engels, *Polnoe sobranie sochinenij: v 39 t.* (Vol. 4, pp. 419–459). Moscow: Politizdat.
24. Nancy, J.-L. (2017). Chto delat'? (fragmenty) [What is to be done? (fragments)]. *Sinij divan. Filosofsko-teoreticheskij zhurnal*, (22), 89–94.

25. Negri A. (2014). *Factory of strategy: Thirty-three lessons on Lenin*. New York: Columbia University Press.
26. Negri, A. (2017). К марксистскому прочтению марксизма Ленина [Toward a Marxist reading of Lenin's Marxism]. *Sinij divan. Filosofsko-teoreticheskij zhurnal*, (22), 9–23.
27. Nietzsche, F. (1996). Tak govoril Zaratustra. Kniga dlya vsekh i ni dlya kogo [Thus spoke Zarathustra]. In F. Nietzsche, *Sochineniya: v 2 t.* (Vol. 2, pp. 5–257). Moscow: Mysl'.
28. Ranciere, J. (2006). *Na krayu politicheskogo* [On the shores of politics]. Moscow: Paraksis.

Информация об авторе

Ирина Викторовна Журбина, кандидат философских наук, доцент, Удмуртский государственный университет, Ижевск, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0416-4665>, e-mail: soloveyIV1@mail.ru

Information about the author

Irina Victorovna Zhurbina, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Udmurt State University, Izhevsk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0416-4665>, e-mail: soloveyIV1@mail.ru
